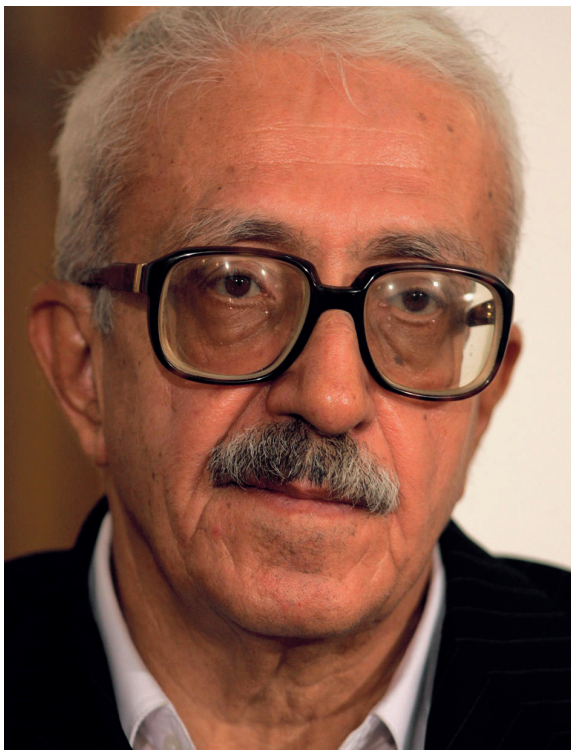

МОЙ ТАРИК АЗИЗ, или Несколько слов в защиту курдов

(отрывок из книги «Мой джихад»)

СВОИМИ
ГЛАЗАМИ

Тарик Азиз (имя при рождении — Михаил Юханна) — иракский общественный, политический и государственный деятель, министр информации (1974-1977), министр иностранных дел (1983-1991, 2001) и заместитель премьер-министра Ирака (1979-2003) в правительстве Саддама Хусейна. После вторжения американских войск в Ирак был арестован, затем временно освобождён и снова арестован. 16 марта 2011 года Высший уголовный суд Ирака приговорил Тарика Азиза к пожизненному заключению по обвинению в причастности к убийствам шиитских политических деятелей в 1980-е годы.

Ренат БЕККИН

Это была любовь с первого взгляда — с того самого апрельского дня 1998 года, когда вице-премьер и по совместительству бывший министр иностранных дел Ирака выступал в МГИМО с лекцией.

Когда американцы вошли в Ирак, я буддистски сдержанно наблюдал за схваткой двух жестоких тигров с высоты четвертого этажа черемушкинской общаги, где вполшепота рассказывала последние новости все еще живая черно-белая «Юность 406 Д». Для меня это была битва двух темных сил: Гогов и Магогов. Кто из них победит, угадывалось с первой попытки, и потому не вызвало большого интереса. И все-таки был один

человек в Ираке, чья судьба не была мне совсем безразлична.

Помнится, на первом курсе нас принудительно срывали с пар и сгоняли слушать очередных приезжих гостей: министров иностранных дел Филиппин, Казахстана, еще чего-нибудь. Однако встречались гости, на которых дважды никого звать не требовалось.

Очевидно, вице-премьер Ирака Тарик Азиз относился к их числу. Никакой шейх нефтяного королевства не мог тогда, сейчас тем более, сравниться по популярности с человеком из Ирака.

К тому времени я уже третий год изучал араб-

ский, но, как и другие мои согруппники, не имел достаточно практики, чтобы понять, чего стоят все мои знания. Задать вопрос вице-премьеру Ирака — чем не повод проверить, на что я го-жусь?!

В постсоветскую эпоху студентов МГИМО не ограничивали в возможности задать вопрос иностранному гостю. Если что и могло помешать любознательности студентов, то лишь время. На вопросы отводилось 5-10 минут. Не больше. Особенно если речь шла о таких персонах, как Клинтон, Ширак. Если же выступление гостя затягивалось, времени на то, чтобы разузнать, что он любит на обед и как он учился в университете, просто не оставалось. А ведь были еще вопросы, которые руководство института поручало озвучить ответственным и проверенным начальством и временем студентам. При таком раскладе на долю политически неустойчивых студентов перепало не более двух-трех реплик.

Перед встречей с Тариком Азизом всех присутствовавших в зале то ли в шутку, то ли всерьез предупредили: провокационных вопросов не задавать. Оставалось лишь пожалеть бедных журналистов: что им еще оставалось делать, как не озвучивать нехорошие вопросы и вести себя некорректно?..

Все выступление этого уставшего маленького седоватого усача, похожего на какого-нибудь азербайджанского профессора по фамилии Мамедов из нефтяного института, как и ожидалось, сводилось к оправданию политики Саддама: мы открыты миру, готовы сотрудничать, а американцы нас зажимают, воздуха не дают.

Не отличались остротой и сами вопросы. То ли народ в МГИМО дисциплинированный такой оказался, то ли в самом деле людям нечего было сказать, особенно по-арабски.

«Кстати, а что это я тут расселся?» — спохватился я, увидев, что встреча с господином Азизом вот-вот завершится. Я еще раз прочел составленную мною во время выступления вице-преьера фразу на арабском. Поймет ли? Я поднял руку.

Ректор, тогда еще по старой памяти благоволивший ко мне, не мог не дать мне слова. Я встал, прокашлялся и произнес как мог четко: «Ли маза кийадату-ль-Ирак ля тхиб аль-акрад?»

Пауза. Зал молчит.

— Асиф, — наконец, напряженно произнес Азиз.

Опытный дипломат решил обвести студента четвертого курса вокруг пальца, прикинувшись,

что не понимает того, что я сказал. Но не тут-то было. Я, не моргнув глазом, повторил свой вопрос по-русски:

— Господин Азиз, я бы хотел узнать, почему руководство Ирака не любит курдов?

Услышав мой вопрос из уст переводчика, Тарик Азиз недружелюбно поглядел сначала на него, потом на меня. Но прежде чем зал успел переварить смысл моего вопроса, «профессор» обрушил на собравшихся монолог, в котором попытался популярно объяснить, что руководство Ирака и он, Тарик Азиз, лично, как никто другой, любят курдов. Так сильно и так страстно, что ни за что не готовы отпустить их на все четыре стороны.

— Посмотрите, — эмоционально говорил господин Азиз, — как живут курды в других странах: Иране, Турции, Сирии. Только в Ираке они имеют возможность изучать собственный язык, культуру...

— А «Химический Али» и уничтожение курдских деревень? — я уже было протянул руку, чтобы озвучить еще один вопрос, но ректор посмотрел на меня, и я все понял.

Сорвав аплодисменты, Тарик Азиз удалился вместе с руководством института, так ни разу и не взглянув на меня.

На следующий день в «Известиях» появилась заметка «Вице-премьер Ирака уважает курдов»:

«Говорят, что когда накануне визита в нашу страну вице-преьера Тарика Азиза спросили, с кем бы, кроме официальных лиц, он хотел бы встретиться в России, он ответил: «Со студенческой молодежью». Трибуну для выступления иракскому гостю предоставил Московский государственный институт международных отношений.

Вице-премьер прочел свою лекцию в переполненном зале. Поскольку он уже знал, что студенты-арабисты хорошо знакомы с ситуацией, сложившейся вокруг Ирака, то предпочел подробно остановиться на разъяснении политической позиции, которую занимает руководство Ирака и лично президент Саддам Хусейн...

Явное недоумение вызвало у слушателей высказывание вице-преьера о якобы добром отношении Багдада к курдам, против которых, как известно, ведется беспощадная война. «Они — часть иракского народа, — уверял Азиз. — Саддам Хусейн — единственный в регионе руководитель, который признает курдов как са-

— Господин Азиз, я бы хотел узнать, почему руководство Ирака не любит курдов?

мостоятельную нацию в рамках иракского государства». В качестве аргумента он привел следующие факты: в Ираке курды «работают даже в структурах власти, свободно говорят на своем языке». «Разве это не свидетельствует о нашем добром отношении к курдскому народу?» — воскликнул Тарик Азиз»...

К счастью, никто впоследствии не ругал меня за проявленную инициативу в деле защиты прав курдского народа. Умный и талантливый человек, Тарик Азиз знал, на что шел, когда решил пообщаться со студентами. Думал ли я тогда, что это не последняя наша встреча?!

Через год, летом 1999 года, мы с моим сокурсником Колей Лукашиным по сарафанному радио узнали о проведении Конференции бывших министров иностранных дел в подмосковном пансионате «Бор», вошедшим в историю благодаря тому, что здесь Ельцин встречался с другом Гельмутом, о чем свидетельствует бронзовая памятная доска в главном корпусе. В остальное время Борис Николаевич не часто бывал в «Бору», и пансионат, во избежание неоправданного простоя, использовался для отдыха состоятельных людей.

Конференция была организована Российской внешнеполитической ассоциацией во главе с последним министром иностранных дел СССР Бессмертных, поддержавшим в свое время ГКЧП.

Для студентов это была уникальная возможность меньше, чем за неделю заработать неплохую сумму. Незадолго до конференции всех желающих собрали в здании Ассоциации на Курской. Раздали анкеты: помимо фамилии-имени-отчества, номера курса и изучаемых языков мы должны были указать предпочтительный график работы.

Многочисленных студентов, пожелавших работать на конференции, разделили на две группы. В одну, немногочисленную, попали те, кого Коля завистливо называл «ловкими ребятами». Все время работы конференции им предоставлялось жилье в пансионате, дармовое питание и вознаграждение - 700 рублей в день. Остальные, с окладом 500 рублей в сутки, должны были каждое утро подъезжать на Курскую, откуда их забирал маршрутный автобус до «Бора». Опоздавшие в расчет не принимались. Незаменяемых у нас не было. Студентов было не меньше, а, может быть, и

больше, чем бывших министров.

Мы с Колей предложили себя в качестве постоянных обитателей «Бора». Нам пообещали, что учтут наши пожелания, но через пару дней мы узнали, что ночевать нам придется не в ельцинской резиденции, а дома.

— Интересно, почему они не взяли нас? — спросил я в пустоту.

— Потому что мы с тобой быдло, — ответила пустота голосом Коли.

Я не стал с ним спорить...

Руководила всеми нами девушка, представившаяся Марией Николаевной Волконской. Большого несоответствия знаменитому имени и фамилии у человека я не встречал. Это была импульсивная, раздражительная дамочка, которая постоянно бегала, прыгала, размахивала руками, пытаясь тем самым то ли показать свою власть над нами, то ли доказать себе и окружающим, что она на что-то способна. Особенно доставалось от нее тем студентам, кто жил в пансионате.

Среди студентов, решивших подработать на конференции, было немало арабистов. По слухам, среди гостей ожидалось бывшие министры иностранных дел арабских стран. Но на встрече в Ассоциации Волконская объявила, что из арабов приехал лишь один. Тарик Азиз.

Ба! Наш старый знакомый! Вот только студентов-арабистов много, а Тарик один.

Пока мы с Колей интеллигентно шушукались и строили предположения о том, кто будет работать с вице-премьером Ирака, девочки действовали решительнее. Нам удалось стать свидетелями следующего разговора.

Наша сокурсница Маша — девушка настойчивая и агрессивная, которую все мы считали способной у умирающего человека вырвать кусок из горла, поправив очки, заявила: «Ну что, давайте определяться, кто будет работать с Тариком Азизом». Эту фразу следовало понимать так: «Ну, что, кто вместе со мной будет работать с Тариком?»

Но вместо того, чтобы купиться на Машино предложение, одна полная девушка по имени Ира хлопнула кулаком по столу и голосом, который я до сих пор вспоминаю с необъяснимым волнением, рявкнула, чудовищно грасируя: «Таг'ик мой!»

Маша сняла очки, медленно протерла их носовым платком и, как незаслуженно выпоротая кошка, обреченно поплелась к выходу.

— Вот это баба! Как нашу Машу уделала, — сказал я Коле.

— Наверное, плачет сейчас в туалете, — предположил Коля. Он любил плачущих женщин.

— Бог с ней. В общем, Тарик нам с тобой не светит.

— Ну и хрен с ним!..

После того как Маша сломала зубы об Иру, никто больше не решался даже помянуть вслух арабскую делегацию. Пришлось довольствоваться тем, что было. Поскольку мы с Колей не оказались в числе «ловких ребят», нам досталась роль мальчиков «на подхвате». Посредством мобильной радиостанции (walky-talky) нам отдавали приказ идти туда-то встречать того-то или ехать туда-то сопровождать того-то. Сейчас я даже под дулом пистолета не вспомню, с кем работал в течение тех двух дней в «Бору». Единственные, кто зацепился в памяти, — это индийцы во главе с бывшим премьер-министром Индер Кумаром Гуджралом.

— Ком ту зис блак меседеса, — приказал мне один из сопровождавших Гуджрала, после того как я получил новое задание.

Куда-куда? А я думал с самим Гуджралом в машине поеду. Не доверяют. На фига я им тогда нужен?

Индийская делегация, как и все другие, направлялась в тот день в Дом приемов МИДа, что на Спиридоновке, на какой-то званый вечер.

Накрапывал дождь. Но разве дождь может помешать званому ужину? Кавалькада из нескольких мерседесов тронулась в сторону Москвы. В одной из машин на заднем сидении ехал я вместе с охранниками Гуджрала. Сначала мы пообщались на хинглише, знакомом мне по индийским фильмам. Я вспомнил все, что знаю об Индии. Но очень скоро разговор этот мне наскучил. К тому же, меня, как и водится, стало укачивать.

Проснулся я, когда наша машина уже стояла перед воротами Дома приемов. Гуджрал направился внутрь, а свита осталась ждать своего хозяина. Мы приехали одними из первых, несмотря на то, что в дороге с нашей делегацией случилась маленькая неприятность.

— Пока ты спал, — сообщил мне один из охранников, — машина с господином Гуджралом столкнулась с другой машиной.

— Да?! И чем же все кончилось?

— Ничем. Из той машины вышли какие-то

злые люди, и водитель отдал им свои деньги.

Я посочувствовал водителю и поинтересовался, собираются ли нас кормить. Наш водитель вскоре раздобыл какую-то еду на кухне Дома приемов, и мы недурно перекусили.

Обратный наш путь в пансионат не был отмечен сколько-нибудь примечательными событиями. Если не считать встречи с Тариком Азизом. До этого мне довелось видеть лишь некоторых представителей иракской делегации. В частности, одного пузатого усача, который утверждал, что лучше всего изучать иностранный язык в постели с девушкой. Когда я спросил его, обязательно ли в таком случае девушке иметь диплом педагога, он громко заржал, запрокинув назад голову. Я был доволен, что научился шутить по-арабски.

Самого же Тарика Азиза я почему-то не встречал. И тут, не успев я попрощаться с моими индийцами, как подъехала машина, и из нее вышел он. Я стоял так близко к автомобилю, что он не мог пройти мимо, не заметив меня. Взгляды наши встретились. Пару секунд он смотрел на меня, словно вспоминая что-то, потом вдруг нахмурился и направился к входу в пансионат.

Больше я его не видел... Сейчас он, больной и уставший, приговоренный к пожизненному заключению и чудом избежавший смертной казни, доживает свои дни то ли в госпитале, то ли в тюрьме за преступления, совершенные правящим режимом Хусейна, в том числе и против курдов. Прошло больше восьми лет с того момента, как он добровольно сдался американцам. За время, проведенное в ожидании приговора, он наверняка многое передумал. Быть может, вспомнил он и ту злополучную лекцию в МГИМО, когда один из студентов на плохом арабском языке упрекнул его в нелюбви к курдам...

Сейчас он, больной и уставший, доживает свои дни то ли в госпитале, то ли в тюрьме, за преступления, совершенные правящим режимом Хусейна, в том числе, и против курдов.

* Подойдите к этому черному мерседесу (искаж. англ.)